

О единовѣрии

Опубликовано:

Христианское чтение. 1870. № 5. С. 741-792.

О ЕДИНОВѢРІИ

(ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННЫХЪ ТОЛКОВЪ ЛИТЕРАТУРЫ).

(ОКОНЧАНИЕ).

—

Въ предыдущей статьѣ (см. «Христ. Чт.» 1870 г. февр.) мы видѣли, что, независимо отъ закона, запрещающаго лицамъ православнаго исповѣданія переходить въ единовѣріе, самое отношеніе къ церкви *большинства* единовѣрцевъ — неправильное и чисто внѣшнее, по своему духу и направленію мало чѣмъ отличающееся отъ отношенія къ церкви раскольниковъ, не позволяетъ желать, чтобы дозволенъ былъ свободный переходъ изъ православія въ единовѣріе. И однакоже есть лица, которые дозволеніе подобнаго перехода считаютъ не только возможнымъ и, по существу дѣла, законнымъ, но даже единственнымъ средствомъ къ тому, чтобы «церковь, допустившая единовѣріе, пришла въ полное согласіе съ собою» и чтобы единовѣріе «вполнѣ стало правдою, которая сокрушитъ расколъ въ самомъ источникѣ его и съ тѣмъ вмѣстѣ возвыситъ характеръ православной церкви въ ея вселенскомъ значеніи» («Моск. Вѣдом.» 1869 г. № 131).

Прежде всего не излишне замѣтить, что мысль эта не нова. Еще въ 1866 году «Московскія Вѣдомости»

Христ. Чт. № 5. 1870.

заявляли, что «дарованіе единовѣрїю полнаго равноправїя, признаніе, что каждый православный, не стѣняя своей совѣсти, можетъ по своему усмотрѣнію молиться и исправлять христіанскія обязанности въ томъ или другомъ храмѣ (т. е. православномъ или единовѣрческомъ), обезпечивало бы несомнѣнный успѣхъ единовѣрїя и несомнѣнное торжество единой православной церкви надъ расколомъ» («Моск. Вѣдом.» 1866 г. № 276). За тѣмъ ту же самую мысль, только выраженную болѣе рѣшительно, находимъ мы и въ 5 № «Московскихъ Вѣдомостей» за 1867 годъ. Наконецъ въ 1869 году «Московскія Вѣдомости» говорятъ уже, что «признаніе единовѣрїя вполнѣ православіемъ» не только сокрушитъ расколъ, но и возвыситъ характеръ православной церкви въ ея вселенскомъ значенїи. Такое настойчивое требованіе «церковнаго равноправїя единовѣрїю» показываетъ, что «Московскія Вѣдомости» искренно убѣждены какъ въ справедливости своей мысли, такъ и въ благотворности тѣхъ послѣдствій, какія произойдутъ для церкви отъ ея осуществленія. А между тѣмъ, по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что указанное требованіе «Московскихъ Вѣдомостей» не только не можетъ быть признано полезнымъ для православія, но и не отличается правдою.

И прежде всего ужели серьезно можно думать, что «признаніе единовѣрїя вполнѣ православіемъ», т. е. безразличное отношеніе церкви къ обрядамъ правильнымъ и обрядамъ несомнѣнно *ошибочнымъ*, какъ бы ни были маловажны эти обряды по существу своему, можетъ возвысить характеръ православной церкви въ ея вселенскомъ значенїи, когда извѣстно, что

отличительною и существенною чертою вселенскаго православія, или вселенской церкви, должна быть *истина*, которою церковь ни въ какомъ случаѣ поступаться не можетъ? Скажутъ: истина, столпомъ и утвержденіемъ которой должна быть вселенская церковь, относится къ догматамъ вѣры, къ основамъ христіанскаго ученія и христіанской жизни, а не къ обрядамъ, которые не составляютъ существа вѣры, могутъ быть различны въ разныхъ помѣстныхъ церквяхъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ предписываться церквию, какъ нечто непремѣнное и непреложное, какъ законъ и условіе, безъ котораго невозможенъ союзъ съ нею. Но если справедливо, что церковь не въ правѣ «отлучать отъ себя за различіе въ обрядахъ, хотя бы и самыхъ почтенныхъ, но не принадлежащихъ къ установленнымъ апостолами и вселенскими соборами основамъ христіанскаго ученія и христіанской жизни», то съ другой стороны было бы большою неправдою утверждать, будто церковь не въ правѣ ошибочный обрядъ считать неправильнымъ, — не въ правѣ желать и заботиться, чтобы чада ея были далеки отъ ошибокъ даже и подобнаго рода. Единство обрядовое не составляетъ существеннаго характера вселенской церкви и необходимаго условія ея истинности; но и допущеніе разныхъ обрядовъ, а тѣмъ болѣе — несомнѣнно неправильныхъ, едва ли составляетъ существенный признакъ истиннаго православія въ его вселенскомъ значеніи. Напротивъ мы видимъ, что даже вселенскіе соборы не безразлично относились къ этому предмету и, утверждая и узаконяя существенныя стороны христіанства, старались въ тоже время о введеніи единообразія и во внѣш-

нюю церковную жизнь, въ самыя обрядовыя дѣйствія. «Понеже суть нѣкоторыя, читаемъ въ 20 правилѣ перваго вселенскаго собора, преклоняющіе колѣна въ день Господень и во дни пятидесятницы: то, дабы во всѣхъ епархіяхъ все одинаково соблюдаемо было, угодно святому собору, да стояще приносятъ молитвы Богу»; «Понеже мы увѣдали, гласить 81 правило шестаго вселенскаго собора, яко въ нѣкихъ странахъ къ трисвятой пѣсни, послѣ словъ: святой безсмертный, въ качествѣ дополненія, возглашаютъ: распныйся за ны, помилуй насъ: но сіе древними святыми отцами, какъ чуждое благочестія, отъ сея пѣсни отринуто, купно съ беззаконнымъ еретикомъ, нововводителемъ сихъ словъ: то и мы прежде, благочестно постановленное святыми отцами вашими утверждая, по настоящемъ опредѣленіи, таковое слово въ церкви пріемлющихъ, или инымъ какимъ либо образомъ къ трисвятой пѣсни примѣшивающихъ, анаематствуемъ. И аще нарушитель постановленнаго есть священника: то повелѣваемъ облажати его отъ священническаго достоинства; аще же мірянинъ, или монахъ, отлучати отъ общенія церковнаго» (см. также VI всел. собор. правил. 32, 33, 52, 55, 56, 82, 90, 99, и др.).

Что же касается мысли, будто право свободнаго перехода изъ православія въ единовѣріе можетъ «сокрушить расколъ въ самомъ его источникѣ»,—то мы рѣшительно затрудняемся понять, что хотѣли сказать этою громкою фразою «Московскія Вѣдомости». Расколъ, какъ извѣстно, дорожитъ своими обрядами и, считая только ихъ правильными и спасительными, смотритъ на обряды церкви православной, какъ на

еретическіе, и изъ-за нихъ то главнымъ образомъ и отдѣляется отъ ней. Позволеніе церковію чадамъ ея свободнаго перехода въ единовѣріе, въ которомъ употребляются тѣже обряды, какіе признаются единственно правильными и расколомъ, можетъ внушить заблуждающимъ только одну мысль, которой такъ опасался еще митрополитъ Платонъ и которая, по его словамъ, явилась у раскольниковъ даже при одномъ дозволеніи единовѣрія,—мысль, «аки бы святая церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ (раскольниковъ) истину познала». А эта мысль не только не ослабитъ, напротивъ можетъ усилить упорство заблуждающихъ и ихъ привязанность къ той церковной практикѣ, которая справедливо признана церковію неправильною.

Съ другой стороны, при разсужденіи о расколѣ и о средствахъ къ обращенію заблуждающихъ на путь истины, нельзя опускать изъ вида и совѣсти православныхъ. Еще митрополитъ Платонъ, сказавъ, что церковь, «разсудивъ за благо учинить старообрядцамъ, въ невѣдѣніи погрѣшающимъ, нѣкоторое снисхожденіе», т. е. допустивъ единовѣріе, присовокупилъ: «однако безъ соблазна православныхъ». Къ этой послѣдней цѣли, вѣроятно, и направлены были тѣ ограниченія, съ какими утверждены были святителемъ 5 и 11 пункты московскихъ старообрядцевъ. «Московскія Вѣдомости» требуютъ отмѣны этихъ ограниченій, забывая, что подобное распоряженіе не только не сокрушитъ раскола, а напротивъ можетъ послужить соблазномъ для самихъ православныхъ, по крайней мѣрѣ, для простаго православнаго народа, который, подобно старообрядцамъ, слишкомъ много придаетъ значенія обрядовой сторонѣ богослуженія и который,

видя, что церковь безразлично относится къ обрядамъ, какъ своимъ, такъ и единовѣрческимъ, будетъ по меньшей мѣрѣ недоумѣвать, гдѣ—истина и гдѣ—заблужденіе. Къ какимъ послѣдствіямъ могутъ привести подобныя недоумѣнія, понять не трудно. Независимо отъ раскола существующаго, благодаря требуемому «Московскими Вѣдомостями» порядку вещей, можетъ явиться новый расколъ въ средѣ самихъ православныхъ, изъ которыхъ одни, понимая правильность содержимыхъ церковію обрядовъ, останутся вѣрными ей, а другіе, склонные къ такъ называемымъ обрядамъ старымъ, отдѣлятся отъ нея и, подъ вліяніемъ хитрыхъ раскольничьихъ напечтываній, перейдутъ на сторону единовѣрія, а, можетъ быть, и раскола. Такія явленія едва ли желательны. «Если церковь знаетъ совершеннымъ свой обрядъ, скажемъ словами Православнаго Обзорія, и знаетъ также, какую рѣшительную силу приписываютъ своему особному обряду суще въ средѣ отлученія отъ нея; то она не можетъ говорить своимъ сынамъ такимъ образомъ: «если угодно, вы по своему усмотрѣнію можете или оставаться въ единеніи доселѣ общаго вамъ обряда, или принять особый обрядъ,—не стѣняя совѣсти вы можете даже нынѣ соблюдать одинъ, завтра другой обрядъ». Подобный совѣтъ можетъ дать земная мудрость, по своимъ не очень далекимъ расчетамъ, но мудрость церкви Христовой не можетъ. Церковь знаетъ, что такія нарочитыя слова изъ устъ ея были бы не обращеніемъ къ уврѣжденной и испытанной свободѣ христіанской, которая управляетъ собою по слову апостольскому: *вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу.* — *вся ми лѣтъ суть, но не вся низидаютъ,* — но

были бы словами соблазна и прегрѣщенія для множества немощныхъ и въ ея дворѣ и виѣ его, изъ коихъ одни были бы поставлены въ рѣшительное недоумѣніе, какъ имъ понимать такіа слова,—не означаютъ ли они, что церковь не увѣрена въ совершенствѣ своего обряда,—а другіе прямо поняли бы ихъ въ такомъ смыслѣ; и вотъ гдѣ было бы торжество раскола! Церковь знаетъ это, и потому «своимъ чадамъ, въ ея общеніи и единеніи рожденнымъ, воспитаннымъ и воспитываемымъ, или же въ ея общеніе и единство пришедшимъ и все, ею содержимое даже до іоты и черты, принявшимъ, проповѣдуетъ: твердо и неизмѣнно да держимся древнѣйшаго обдержательнаго всецерковнаго преданія» (Справ. обзор. 1867 г. февр. стр. 251).

Въ одномъ только случаѣ, по нашему мнѣнію, право свободнаго перехода въ единовѣріе изъ православія можетъ сокрушить расколъ,—если не только простые вѣрующіе, но и сама іерархія православная мало по малу приметъ единовѣрческіе обряды и возвратится къ тому порядку вещей, какой существовала въ церковной практикѣ до исправленія книгъ патр. Никономъ,—какъ того и желаютъ раскольники и чтò признаютъ они главнымъ условіемъ для своего единенія съ церковію. Вотъ что писали объ этомъ предметѣ въ 1863 году составители извѣстнаго «окружнаго посланія»: «вины нашего непослѣдованія пастыремъ тоя (православною) церкви суть важныя и благословныя: понеже убо поущеніемъ Божиимъ чрезъ Никона, бывшаго патріарха, древнецерковная преданія измѣнишася и въ послѣдствіи соборомъ (съ присутствіемъ греческихъ патріарховъ) 1667 года

ужаснѣйшая клятва и анаѳема на содержащихъ древня святоцерковная преданія произнесены и строгое преслѣдованіе и гоненіе воздвигается съ мученіемъ». Сказавъ затѣмъ о разныхъ «порицаніяхъ» на старинные обряды, содержащихся въ полемическихъ сочиненіяхъ прежняго времени, и о томъ, что «совѣсть не допускаетъ» раскольниковъ «быти въ подчиненіи» пастырямъ, которые не уничтожаютъ въ своихъ «полемическихъ книгахъ означенныхъ жестокословныхъ порицаній», составители посланія продолжали: «аще же нѣкогда, благодатию Божіею озарившися, отложить порицанія и *соборны* оставить своя поводогматствованія, а святую старожитность возлюбить и примутъ и порученнымъ себѣ хранить ю повелѣть, и начнутъ послѣдовати всемъ древлецерковнымъ преданіямъ неизмѣнно, и устроятся церковь въ такой точности догматовъ и преданій, якоже быше отъ лѣтъ равноапостольнаго князя Владиміра и до лѣтъ Никона, бывшаго патріарха: тогда валь того предѣла въ ровенникъ обратитесь, и единымъ къ другимъ прихождение учивитъ сердца; и мы безъ всякаго увѣщанія человѣческаго пойдемъ ко общенію ея» (т. е. церкви) (Окр. посл., напеч. въ Яссахъ, л. 10—11). Но такъ какъ возвращаться церкви къ порядку вещей, существовавшему въ ней до исправленія книгъ патріархомъ Никономъ, значило бы сознательно вступать на путь неправды, хотя бы и обрядовой, и кромѣ того—признать все дѣйствія свои за послѣднія 200 лѣтъ, направленные противъ раскола, неправильными и незаконными; то «священному желанію» составителей окружнаго посланія едва ли суждено когда либо исполниться.

Что же однако дѣлать? Неужели нѣтъ средствъ къ приведенію въ ограду св. церкви заблуждающихъ и Россія суждено безъ конца страдать недугомъ раскола? По нашему мнѣнію, средства эти есть, только приложеніе ихъ къ дѣлу соединено съ немалыми затрудненіями и можетъ быть достигнуто не вдругъ, а постепенно. Первое, главное и существенное средство къ соединенію заблуждающихъ съ св. церковію, доколѣ массы раскола будутъ находиться на той не высокой степені уметвенно-религіознаго развитія, на какой онѣ спокойно почиваютъ доселѣ,—состоитъ въ томъ же единовѣрїи, на которое, какъ на силу, способную сокрушить расколъ, указываютъ и «Московскія вѣдомости»,—только при другихъ, болѣе выгодныхъ для него, условіяхъ, а не тѣхъ, въ какихъ оно находится нынѣ. Что же нужно сдѣлать для того, чтобы единовѣрїе дѣйствительно сдѣлалось правдой для раскола, способной уничтожить его? Краткій отвѣтъ на этотъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: нужно устранить тѣ причины, которыя даютъ раскольникамъ и многимъ изъ самихъ единовѣрцевъ—поводъ считать единовѣрїе неправильнымъ и думать, будто церковь допустила его не искренно, съ хитрою цѣлю. Что же это за причины?

Прежде всего, ни для кого не секретъ, что главною причиною, по которой раскольники затрудняются присоединиться къ церкви путемъ единовѣрїя и которая смущаетъ многихъ изъ самихъ единовѣрцевъ, служить изреченная московскимъ соборомъ 1667 года клятва на тѣхъ, кто не хотѣлъ подчиниться его опредѣленіямъ, т. е. принять узаконенныя имъ новоправленныя книги и обряды. Какъ сильно сму-

щаетъ эта клятва людей, привязанныхъ къ такъ называемымъ старымъ обрядамъ, можно видѣть изъ того, что не только раскольники, сознавшіе необходимость для спасенія церкви и признавшіе даже святость церкви православной, нерѣдко долго не рѣшаются на присоединеніе къ ней изъ за клятвы собора 1667 года (Воспом. и бес. инока Павла, 1868 г. прибавл. л. 9), но даже единовѣрцы, уже находящіеся въ союзѣ съ церковію, часто тяготея ея (Истина, кн. 5, л. 32—40). И такъ было во все время существованія—отъ самаго начала его. Еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда возникла у стародубскихъ раскольниковъ *первая* мысль о соединеніи съ церковію путемъ единовѣрія, уже было высказано ими желаніе, чтобы св. синодъ не только дозволить имъ содержать старыя обряды, но и уничтожилъ клятву собора 1667 года. Въ письмѣ митрополиту Новгородскому и С.-Петербуржскому Гавріилу, писаниомъ отъ лица старообрядцевъ извѣстнымъ инокомъ Никодимомъ въ 1781 году (10 сентября),—настоятель Успенскаго монастыря просилъ архиепископа о ходатайствѣ предъ св. синодомъ, «чтобы оный, отечески разсмотря крайнее бѣдствованіе толпныхъ тысячъ душъ, изъ коихъ въ непремѣнномъ желаніи часть немалая пребываетъ имѣть у себя богоустановленный чинъ архіерейскій, милостивое о нихъ учинилъ опредѣленіе быть имъ подъ паствою архиепископа—съ тѣмъ, дабы у нихъ неотложно храниму быть древлероссійскія церкви чиносодержанію по старопечатнымъ книгамъ, *со отложеніемъ пореченіевъ и клятвъ на то чиносодержаніе*» (Исканіе старообр. въ XVIII в. закон. архіер., изд., прот. Верховскаго,

стр. 6). Въ тоже время тоже желаніе заявить Никодимъ и князю Потемкину, прося его «приложить свое отеческое стараніе, чтобъ св. синодъ благоволилъ старообрядцамъ неотложно имѣть съ старопечатными книгами въ службѣ церковной чиносодержаніе древле-грекороссійскія церкви, при чемъ бы и положенныя клятвы и пореченія на древлецерковное чиносодержаніе милостиво уничтожилъ, взирая на то, что многія тысячи душъ, почувствуя такое милосердіе, готовы были отдать себя подъ всесовершенное правленіе архимандрита, не только въ здѣшнихъ странахъ живущіе, но и во всей священной всероссійской имперіи, которые внѣ паствы богоустановленнаго священства чина (?) находятся» (тамъ же стр. 8). А потомъ, когда желаніе старообрядцевъ было милостиво принято высшими лицами духовными и свѣтскими и когда нужно было имъ подать формальное прошеніе о присоединеніи къ церкви, — Никодимъ съ раздѣлявшими его мысль раскольниками составилъ условія въ 12 пунктахъ, на основаніи которыхъ старообрядцы предполагали соединиться съ церковію, и первымъ изъ этихъ условій поставилъ слѣдующее: «произнесенныя бывшими въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ царство Государя Великаго Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Россіи самодержца, въ патриаршество Никона и Іоасафа втораго патриарховъ въ 1656 и 1667 годахъ соборами, также въ 1720 году чинопріятіемъ, клятвы и пореченія на двухперстное положеніе и на прочее нѣкоторое древнее греко-росскія церкви содержаніе, сношеніемъ святѣйшихъ четверопрестольныхъ патриарховъ, разрѣшить» (тамъ же стр. 11). Эти

пункты при прошеніяхъ были поданы Никодимомъ князю Потемкину, графу Румянцеву, митрополиту Платону, митрополиту Гавріилу, въ св. сѣнодь и въ правительствующій сенатъ (тамъ же стр. 12—27). Далѣе: въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія московскіе старообрядцы, изъявившіе желаніе соединиться съ церковію «черезъ посредство старинныхъ обрядовъ», также просили о снятіи клятвы собора 1667 года, будто бы положенной на двуперстіе и другіе обряды. Изъ 16-ти пунктовъ, поданныхъ ими при прошеніи митрополиту Платону, *первый* гласилъ слѣдующее: «дабы святѣйшій сѣнодь разрѣшилъ прежде положенныя клятвы на двоенерстное сложеніе и другіе подобныя сему обряды». За тѣмъ, автору «Весѣдъ къ глаголемому старообрядцу» нужно было въ 1836 году входить въ нарочитое разсмотрѣніе этого предмета и рѣшать разные вопросы со стороны старообрядцевъ относительно клятвы собора 1667 года, смущавшей раскольниковъ и препятствовавшей имъ признать единовѣріе правильнымъ (Весѣд., изд. 1844 г. стр. 124 и слѣд.). Въ 1840 году настоятель иргизскаго старообрядческаго монастыря, старецъ Силуанъ, составилъ записку въ объясненіе того, почему старообрядцы не присоединяются къ единовѣрїю, въ которомъ дозволены любимыя ими обряды, и представилъ ее единовѣрческимъ архимандритамъ Платону и Зосимѣ. Въ числѣ причинъ, на которыя Силуанъ указывалъ, какъ на препятствіе къ принятію правль, таинствъ и священства единовѣрческой церкви, есть ссылка и на клятву собора 1667 года (Хр. чт. 1864 г. ч. 2, стр. 296—7). Въ 1854 году нѣкоторые изъ старообрядцевъ Ро-

рогожскаго кладбища рѣшились присоединиться къ единовѣрiю. Въ прошенiи, поданномъ ими по этому поводу преосв. Филарету, митрополиту московскому, старообрядцы, между прочимъ, писали: «для успокоенiя совѣсти собратiй нашихъ и большаго присоединенiя и возвращенiя церкви, разрѣшенную св. правительствующимъ синодомъ клятву, прежде положенную на двуперстное сложенiе, опять подтвердить разрѣшенiе» (Свѣдѣн. о единов. церкв., Москва, л. 47). И хотя въ граматѣ, данной въ томъ же году преосв. Филаретомъ на устройство единовѣрческой церкви на Рогожскомъ кладбищѣ, говорилось, что «изреченное соборомъ 1667 года проклятiе положено на непокоряющихся святой восточной церкви и освященному собору, на противниковъ, яко еретиковъ и непокорниковъ», и что «слѣдственно вступившiе въ миръ и соединенiе со св. апостольскою церковiю, поелику симъ являютъ, что они не суть противники, то, по самой силѣ опредѣленiя собора 1667 года, должны быть разрѣшены и разрѣшаются и пребываютъ свободны отъ изреченнаго тѣмъ соборомъ проклятiя» (тамъ же л. 24); тѣмъ не менѣе, и послѣ такаго объясненiя, недоумѣнiя относительно клятвы собора 1667 года не прекращались въ средѣ заблуждающихъ, какъ объ этомъ можно заключать изъ того, что преосв. Филареть нашелъ нужнымъ написать особое «изъясненiе о проклятiи, положенномъ отъ собора 1667 года» — въ разрѣшенiи тѣхъ сомнѣнiй, какiя возникали у старообрядцевъ касательно единовѣрiя (тамъ же л. 43 об. — 46). Впрочемъ и послѣ напечатанiя этого «изъясненiя» раскольники и даже единовѣрцы не успокоивались. Въ 1863 году казанскiй жеени-

снопъ Пафнугій почему то вступилъ въ переписку съ однимъ священникомъ «австрійскаго поставленія», жившимъ въ Вятской губерніи. Въ одной изъ тетрадей, приложенныхъ къ этой перепискѣ и озаглавленной: «краткое обозрѣніе единовѣрческой церкви», также указывается на клятву собора 1667 года, какъ на причину, по которой, по мнѣнію заблуждающихъ, единовѣріе не только находится въ фальшивомъ, не естественномъ отношеніи къ господствующей церкви, но въ тоже время противорѣчитъ и самому себѣ и даже измѣняетъ своему древлеправославному характеру («Вятск. Епарх. Вѣдом.» 1869 г. №№ 16 и 17). Въ томъ же году явилось вышеуказанное нами «окружное посланіе», и въ немъ, какъ мы уже видѣли, составители также ссылались на клятву собора 1667 года, какъ на препятствіе къ соединенію старообрядцевъ съ церковію. 6-го декабря 1864 года депутаты отъ прихожанъ московскихъ единовѣрческихъ церквей имѣли счастье быть представленными Государю Императору, поднести Его Императорскому Величеству св. икону и вѣрноподданнически поздравить съ днемъ тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича (умершаго) и съ избраніемъ Его Высочествомъ Невѣсты. Вмѣстѣ съ этимъ была представлена отъ нихъ Его Величеству всеподданнѣйшая просьба о церковномъ разъясненіи нѣкоторыхъ постановленій собора 1667 года къ вразумленію недоумѣвающихъ и къ вящему благу единой, нераздѣльной православной церкви («Сѣверн. Почта» 1864 г. № 270). Мы не знаемъ, о разъясненіи какихъ именно постановленій собора 1667 года ходатайствовали депутаты московскихъ единовѣрцевъ предъ Государемъ Императоромъ;

но, по увѣренію «Московскихъ Вѣдомостей» (1866 г. № 276), ходатайство ихъ состояло въ просьбѣ о сложеніи клятвы собора 1667 года не съ однихъ обращающихся въ единоувѣріе, но и съ обрядовъ, ими содержимыхъ. О томъ же предметѣ издатель «Истины», извѣстный К. Голубовъ, долженъ былъ въ 1868 году вести длинную бесѣду съ однимъ единоувѣрцемъ въ Петербургѣ, который доказывалъ, что проклятiе собора 1667 года лежитъ и на единоувѣрцахъ (Истина, кн. 5, л. 32 и 34); «не смѣемъ сказать, замѣчаетъ г. Голубовъ, что всѣ единоувѣрцы сораздѣляютъ мнѣніи этого единоувѣрца, но однако *мноіе*». Въ томъ же 1868 году извѣстный о. Павелъ (прусскій) писалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ и бесѣдахъ» слѣдующее: «нѣкоторые изъ старообрядцевъ сами знаютъ и признаются, что церковь грекороссійская въ православіи не погрѣшастъ, но причиною своего отдѣленія отъ церкви поставляютъ клятвы, соборомъ, бывшимъ въ 1667 году, на старообрядцевъ положенныя» (Бес. прилож. л. 9). Однимъ словомъ, анаѳема, наложенная отцами собора 1667 года на тѣхъ, кто не хотѣлъ «послушать повелѣваемыхъ отъ нихъ», служить главнымъ препятствіемъ къ принятію раскольниками единоувѣрія, хотя въ немъ дозволены любимые ими обряды, и къ болѣе искреннему единенію съ церковію самихъ единоувѣрцевъ. Въ чемъ же собственно состоятъ недоумѣнія старообрядцевъ и единоувѣрцевъ относительно этого предмета?

Въ «Христіанскомъ Читаніи» уже была рѣчь о томъ, въ слѣдствіе какихъ недоумѣній относительно клятвы собора 1667 года раскольники признаютъ единоувѣріе неправильнымъ и не принимаютъ его, не смотря на

то, что въ немъ содержатся тѣже обряды, которые чтить и расколь («Хр. Чт.» 1864 г. ч. II, стр. 286—7). Не ограничиваясь данными этой статьи, мы обратимъ вниманіе и на другія, находящіяся въ разныхъ сочиненіяхъ раскольниковъ и единовѣрцевъ, а равно и слышанныя нами при устныхъ собесѣдованіяхъ съ ними, и представимъ недоумѣнія ихъ относительно клятвы собора 1667 года съ возможною полнотою и обстоятельностью, чтобы можно было видѣть, что требуется со стороны церкви православной для успокоенія недоумѣвающихъ.

«За содержаніе книгъ и обрядовъ, употреблявшихся при первыхъ пяти патріархахъ,—говорятъ раскольники и нѣкоторые даже единовѣрцы, — соборъ московскій 1667 года наложилъ на предковъ нашихъ анаѹему—съ такимъ прибавленіемъ, что скорѣе весь чинъ и порядокъ природы измѣнится, чѣмъ проклятіе это снимется («Вѣстк. Епарх. Вѣдом.» 1869 г. № 17, стр. 370); клятва собора простирается не только на живыхъ старообрядцевъ, но и на умершихъ (Свѣдѣн. о единов. церкв. л. 43 об.). Между тѣмъ Высочайше утвержденными правилами митрополита Платона 1800 года единовѣрцамъ дозволено совершать службу по тѣмъ самымъ книгамъ и съ тѣми обрядами, за употребленіе которыхъ наложено на предковъ нашихъ проклятіе; и сами архіереи великороссійской церкви, служа въ единовѣрческихъ церквахъ по старопечатнымъ книгамъ, совершаютъ обряды, проклятые соборомъ 1667 года (Истин. кн. 5, л. 33 об. и 34). Что же это значитъ? Значитъ это то, что или соборъ 1667 года сдѣлалъ постановленіе неправильное, такъ какъ оно отмѣнено чрезъ 134 года. и въ такомъ слу-

чаѣ проклятiе должно быть снято не только съ единовѣрцевъ, но и съ старообрядцевъ, содержащихъ вмѣстѣ съ единовѣрцами одни и тѣже обряды,—или единовѣрцы, а равно и великороссiйскiе архiereи, служащiе въ единовѣрческихъ церквахъ, подлежатъ проклятiю собора 1667 года, такъ какъ они употребляютъ и старыя книги, и старыя обряды, за содержанiе которыхъ положена соборомъ анаѣма. Правда, митрополитъ Платонъ и послѣ св. синода разрѣшилъ отъ клятвы собора 1667 года тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые присоединяются къ единовѣрiю; но такое разрѣшенiе не можетъ быть признано правильнымъ—потому, что не только митрополитъ Платонъ, но и самъ св. синодъ, хотя власть его равна патрiаршей, меньше собора 1667 года, на которомъ, кромѣ московскаго патрiарха Иоасафа II, засѣдали еще два патрiарха восточныхъ и въ числѣ ихъ — киръ Паисiй, папа и патрiархъ александрiйскiй, судiя вселенной. Не говоримъ уже о томъ, что церковь великороссiйская, дозволившая единовѣрцамъ употреблять старыя книги и обряды, какъ не препятствующiе спасенiю единовѣрцевъ, и въ то же время подвергающая отлученiю и проклятiю за тѣ же обряды и книги раскольниковъ, противорѣчитъ сама себѣ и кромѣ того ясно показываетъ, что она допустила единовѣрiе неискренно, обманно» (Кельсиев. вып. 1, стр. 172—3; Бес. къ глаг. стар. стр. 125).

«Писатели великороссiйской церкви говорятъ, что соборъ 1667 года подожилъ клятву не на обряды и книги, бывшiя въ церкви до Никона, а на «противниковъ церкви и освященному собору, яко еретиковъ и непокорниковъ» (Свѣд. о единов. церкв. гл. 24; снес.

л. 44 об. и 45; Прав. Обзор. 1867 г. февр. стр. 254—5; Бес. къ глагол. старообр. стр. 128, 130—1; Отвѣт. единов. старообр. стр. 26); но это несправедливо. Соборъ 1667 года подтвердилъ относительно книгъ и обрядовъ все то, что было сдѣлано прежде него — патр. Никономъ «съ благословенія и совѣта святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ» и другими прежде бывшими соборами; но еще въ 1656 году на вопросъ Никона: какъ должно совершать крестное знаменіе, — Макарій, патріархъ антиохійскій, Гаврииль, патріархъ сербскій, Григорій, митрополитъ никейскій, и Гедеонъ митрополитъ молдавскій, бывшіе въ то время въ Москвѣ, письменно отвѣчали: «преданіе пріяхомъ сначала вѣры отъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ и святыхъ седми соборовъ творити знаменіе честнаго креста съ тремя первыми персты десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя церкви, еже держа сначала вѣры даже до днесь, есть еретики и подражатель арменовъ, и оего ради имамы его отлучена отъ Отца, Сына и Св. Духа и проклята» (Скрыж. Никона листы виѣ счета; снес. слов. отвѣщат. л. 10). Тоже проклятіе на крестящихся двумя, а не тремя перстами, было произнесено тѣми же лицами (за исключеніемъ молдавскаго митр. Гедеона) въ Успенскомъ соборѣ въ педѣлю православія (Слов. отвѣщ. л. 12). Наконецъ, на основаніи этихъ клятвъ, соборъ 1656 года, состоявшій изъ великороссійскихъ архіереевъ, произнесъ новое проклятіе на тѣхъ, кто крестился не тремя, а двумя перстами: «Аще кто отселе вѣдый не повинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле святая восточная церковь пріяла есть и якоже нынѣ четыре

вселенстія патріархи, со всіми сущими подъ ними христіаны, повсюду вселенныя обрѣтающимся, имѣють... еже тремя первыми великими персты десныя руки изобразати, во образъ святаго единосущнаго и нераздѣльнаго и равнопоклоняемаго Троицы, но имать творити сіе неспрїятное церкви, еже соединя два малые персты съ великимъ пальцемъ, въ нихъ же неравенство Святаго Троицы извѣщается, и два велико-средня простерта суща, въ нихъ же заключати два Сына и два состава, по Несторіевѣ ереси, или иначе изображати крестъ: сего имама, послѣдующу св. отецъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ помѣстныхъ правиламъ, и св. восточныя церкви четырьмя вселенскимъ патріархомъ, всячески отлучена отъ церкви», причемъ соборъ проклялъ и самое «*Теодоритово писаніе*» о двуперстїи (Тамъ же л. 15—16). Какъ всякій согласится, означенными лицами и соборомъ 1656 года произнесено было проклятіе не на непокорниковъ церкви вообще,—крестившіеся двумя перстами тогда еще не отдѣляли себя отъ ней, а просто на употребившихъ двуперстное, а не троеперстное крестное знаменіе, и слѣдовательно — на самое двуперстіе (Искап. стар. арх. стр. 11; Истин. кн. 5, л. 34). Въ томъ же смыслѣ была произнесена анаѳема и соборомъ 1667 года. А что это такъ,—видно изъ самаго опредѣленія его. Писатели великороссійской церкви въ подтвержденіе *своего* взгляда указываютъ на слова отцевъ собора: «аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится св. восточной церкви и сему освященному собору... и мы таково противника... проклятію предаемъ», и на основаніи этихъ словъ говорятъ, что «проклятіе произнесено на непокоряющихся святой восточной церк-

ви и освященному собору, на противниковъ, яко еретиковъ и непокорниковъ», и что «носему содержащіе обряды первыхъ пяти патріарховъ за одно сіе проклятiю собора 1667 года не подлежатъ» (Свѣд. о един. церкв. л. 44 аб.). Но это—не больше, какъ «хитроspлетенное измышленіе», которое разлетается въ прахъ, подобно паутинѣ, если взять опредѣленіе собора вполнѣ, а не отрывочно. Отцы собора сперва заповѣдали всѣмъ и каждому употреблять исправленные книги, сумвоуъ «безъ прилога истиннаго», трегубую аллилуію, троеперстіе, молитву Іисусову съ словами: «Боже нашъ» вмѣсто: «Сыне Божій»,—въ частности повелѣли просфорнямъ печатать просфоры «печатію креста четвероконечнаго», а «освященному чину» благословлять народъ именословно, и за тѣмъ непосредственно писали: «сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ вышереченнымъ чиномъ православнымъ предаемъ и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранить и покорятися святѣй восточнѣй церкви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточнѣй церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противитися намъ: и мы *таковаго* противника, данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствiя и благодати и проклятiю предаемъ, аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятiю и анаемъ предаемъ, яко еретика и непокорника» (Дополн. въ акт. истор. т. V, стр. 485—7). Кто же послѣ этого, по истинному смыслу опредѣленія соборнаго, явился непокорникомъ церкви и освященному собо-

ру? Очевидно, тотъ, кто не хотѣлъ принять узаконенныхъ соборомъ исправленныхъ книгъ и обрядовъ и содержалъ обряды и книги, бывшіе въ церкви до Никона. Другими словами: не вообще непослушаніе церкви имѣлъ въ виду соборъ 1667 года, когда изрекалъ анаѹему на противниковъ его опредѣленію. — лица, ратовавшія за одну букву въ церковной книгѣ, конечно, не желали и не могли быть ослушниками церкви, если бы она не осудила этой буквы, — но непослушаніе «повелѣваемымъ» отъ отцевъ собора, т. е. не принятіе тѣхъ книгъ и обрядовъ, которые только что предъ тѣмъ соборъ ввель во всеобщее и неизмѣнное употребленіе. Слѣдовательно, проклятію собора подлежатъ всѣ, содержащія книги и обряды, бывшіе при первыхъ пяти патріархахъ, такъ какъ они въ этомъ случаѣ поступаютъ вопреки его узаконенію; подлежатъ, значить, этому проклятію и единовѣрцы, какъ не принимающіе ни троеперстія, ни другихъ, узаконенныхъ соборомъ, обрядовъ».

«Говорятъ: соборъ 1667 года наложилъ клятву на неподчинившихся его опредѣленію не безусловно, а съ ограниченіемъ, замѣтивъ: «дондеже вразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ»; единовѣрцы вразумились и перестали быть противниками св. церкви; слѣдовательно они и свободны отъ проклятій, изреченнаго на противниковъ (Свѣд. о единов. церкв. л. 45; Прав. Обзор. 1867 г. февр. стр. 257). Но подъ «вразумленіемъ и возвращеніемъ въ правду» соборъ разумѣлъ не то «примиреніе съ церковію», въ какомъ находятся нынѣ единовѣрцы, остающіеся при книгахъ и обрядахъ, осужденныхъ соборомъ, — въ такомъ отношеніи къ церкви, какъ видно изъ челобитныхъ,

желали остаться и соловецкіе старцы, и раскольники, подъ предводительствомъ Пикиты просившіе соборнаго разсмотрѣнія о вѣрѣ въ 1682 году, — и однакоже желаніе ихъ не было уважено, — а признаніе правильными и принятіе книгъ и обрядовъ, узаконенныхъ отцами собора. А что именно такъ нужно понимать сдѣланное соборомъ ограниченіе, — видно изъ того, что церковь великороссійская признавала раскольниками, и слѣдовательно подвергала проклятію собора, и тѣхъ, кто хотѣлъ быть и былъ даже въ союзѣ съ нею, да только не желалъ разстаться съ двуперетіемъ и другими старыми обрядами и книгами, (Истин. кн. 5, л. 40). Указъ св. синода отъ 15 мая 1722 года гласилъ: «которые хотя святѣй церкви и повинуются и все церковныя таинства пріемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма пересты, а не треперстнымъ сложеніемъ: тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ и которые хотя и по невѣжеству и отъ упорства то творять, обоихъ писать въ расколъ. не взирая ни на что» (Собр. пост. по ч. раск. кн. 1, стр. 35—6) (1). За какое непослушаніе церкви синодъ

(1) Въ объявленіе, почему церковная власть въ 20-хъ годахъ пропала столѣтія такъ строго относилась къ лицамъ, употреблявшимъ двуперетіе, и какъ сама она смотрѣла на двуперетіе въ это время, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одинъ чрезвычайно интересный документъ, недавно появившійся въ печати. Когда въ царствованіе Петра I некоторые изъ раскольниковъ изъявили желаніе присоединиться къ церкви, но въ то же время не хотѣли оставить своего двуперетія, св. синодъ въ 1721 году составилъ «увѣщательные пункты о перестномъ сложеніи» и послалъ ихъ въ Москву архимандриту Златоустовскаго монастыря Антонію, бывшему судьей въ приказѣ церковныхъ дѣлъ и завѣдывавшему вмѣстѣ съ архимандритомъ Теофилактомъ Докатинскимъ дѣлами по расколу. Вотъ что говорилось въ этихъ пунктахъ: «обращающимся отъ раскола, но единого прежняго своего сложенія перестнаго перекрестія нехотящимъ, предлагать слѣдующая:

отлучалъ отъ общенія съ нею этимъ указомъ? Точно также, извергая изъ сана священниковъ и отдавая

1) Сказавъ намъ, что между правыми христіанскими догматами, которые непремѣнно хранити вси должны, и еретическими уставленіи, которыхъ вси должны берещися, суть въ церкви святой нѣкія вещи среднія, свободно употребляемыя съ благочиніемъ и благообразіемъ, или и нѣкоего ради знаменованія, которыя къ благочестію ниже нужная суть, ниже вредная. Среднія же вещи отсюду познаются: аще что отъ священныхъ писаній и важныхъ въ церкви свитой соборовъ и отъ извѣстныхъ предацій древнихъ ниже узаконено, ниже отвержено есть. Таковыя суть многіе церковныя обряды, или церемоніи, когорые искони не были, но по времени благочинно введены, иные же и переимѣнены, иные же и отставлены: и бываегь въ одной церкви одиныхъ, а въ другой другій чиновный обычай, безъ всякаго между церквами раздора, съ всецѣлымъ единоврѣмемъ и въ благочестіи согласіемъ.

2) Обаче и таковая средняя, свободѣ христіанской подлежащая, не всякому человеку переимѣнять, или отставлять, или вновь заводить позволено: понеже отъ сего произошло бы смущеніе, и человекъ простой, но гордый, среднихъ вещей разсуждать неискусный, вмѣсто средняго ввелъ бы нячго худое, или отставилъ бы доброе и закономъ Божиимъ повелѣнное. Но уставлять и отставлять средняя имѣють власть власти державныя христіанскія, совѣгомъ и согласіемъ духовныхъ пастырей и прочіихъ искуснѣйшихъ учителей, такожъ и крайніе духовные пастыря, соборы, или соборныя правительства, съ изволеніемъ державныхъ властей. о чемъ многіе имѣемъ образы какъ въ ветхозавѣтной, такъ и въ новозавѣтной церкви.

3) Аще кто вещь среднюю поставитъ или въ крѣпкій догматъ, или въ ересь, тотъ уже самъ еретическуеть: понеже что Богъ самъ оставилъ намъ яко среднее, онъ таковой самоволіемъ своимъ узаконяетъ яко весьма нужное, или отвергаетъ яко богопротивное, и тако похищаетъ себѣ власть Божию, представляя себе властителемъ совѣтей человеческихъ; и о таковыхъ глаголетъ апостолъ: что учать, яже не вѣдаютъ, дмѣящися отъ ума плоти своея. А когда церковь чрезъ державную или крайнюю духовную власть, или чрезъ соборы и соборныя правительства уставляетъ нѣкіе обряды средніе, тогда не яко догматы намъ предлагаетъ, но яко благочинніи и благообразія; и подчиненніи должны хранити таковыя уставы, по должеству послушанія своего и повиновеніи къ властямъ во всякомъ повѣдываемомъ дѣлѣ, Богу не протывноуть. Но когда законная власть и отставляетъ или переимѣняетъ нѣчто среднее, должны суть подчиненныи и тому не прогнвтитися: среднія бо вещи не самыя собою сильныя суть, но отъ воли властей законныхъ имѣють силу.

ихъ въ навазаніе гражданскому суду, — священниковъ, которые, получивъ хиротонію отъ архіереевъ велико-

4) Сія предложивше, спросить приходящаго отъ раскола, о треперстномъ сложеніи суживающагося: како онъ о нашемъ и о своемъ сложеніи разумѣетъ: средняя-ли вещь есть, или догматъ? Аще догматомъ наречетъ, то долженъ доказать свое мнѣніе отъ свидѣннаго писанія, ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ книгъ, такожь отъ важныхъ соборовъ, или отъ преданій древнихъ, то есть, отъ согласія многихъ древнихъ учителей, чего онъ и никтоже пивый въ вѣки не докажетъ. Если же наречетъ вещь среднюю, то да утвердитъ слово свое клятвою. И тогда вопросити его: чего ради не хочеть сложенія своего переставитъ? Аще бо вещь есть средняя, то итъ никакой важной причины, для чего оную непременно содержать, кромѣ единаго упрямства; упрямствомъ же тымъ противится согласію церковному; оставляетъ на себѣ зазорный образъ, соблазняетъ ближнихъ своихъ и законнымъ властямъ и духовному правительству непокоривъ является, и развѣ самъ (не симъ-ли?), противъ совѣсти своей, вещь среднюю изъ среды извлекаетъ и самоволіемъ въ догматъ ставитъ, и тако явно еретичествуетъ.

А о церковномъ разумѣніи сіе сказать ему, что церковь сваяга кій либо образъ перстнаго сложенія имѣла и имѣеть за вещь среднюю, но раскольникомъ противится за тое, что они образъ сложенія перстнаго, каковъ они полюбили, ставятъ за догматъ вѣры, а каковъ въ нашемъ обычаѣ видятъ, ставятъ въ ересь; и уже свой сложенія образъ сдѣлали злымъ, не аки бы онъ самъ собою золъ былъ, но яко непокоривой, злой, немилослюбной и гордо еретичествующей совѣсти ихъ свидѣтель есть. И того ради, аще кто образъ сложенія раскольникаго перемѣнитъ не похочеть, можно знать, что онъ безотвѣтно упрямъ и непокоривъ пребываетъ, и не съ доброю совѣстію, но лукаво, лицемерно и коварно приходитъ къ церковному соединенію“ (Поли. собран. постанова. и распорѣж. по вѣдомству прав. неповѣд. рос. импер. Т. I, стр. 148—150; смее. Опис. доум. и двл. св. сѣнода, т. I, стр. 393—4 и СССХVII — IX). Такимъ образомъ, по мысли св. сѣнода, двуперстіе не заключаетъ въ самомъ себѣ ничего грѣховнаго и злоаго и строго осуждалось церковію въ первой четверти прошлаго столѣтія только потому, что служило вырзвателемъ противленія раскольниковъ правительственной церковной власти, отмѣнившей это перстосложеніе, и свидѣтелемъ ихъ злой и немилослюбивой совѣсти. Согласно съ церковною властію, сморгля въ указанное время на двуперстіе и частныя лица — даже тѣ, въ полемиическихъ сочиненіяхъ которыхъ находятъ «жестокословныя порицанія» его. Феофилактъ Лопатяевскій въ своемъ «Обличеніи неправды раскольникаческой» прямо говоритъ, что «сложеніе перстовъ

россійской церкви, пребывали въ союзѣ съ нею, подчинялись всѣмъ ея административнымъ распоряженіямъ, жили на своихъ мѣстахъ — при православныхъ церквахъ, только иногда позволяли себѣ отправлять службу и совершать таинства по старопечатнымъ книгамъ — для тѣхъ изъ своихъ прихожанъ, которые держались обрядовъ, бывшихъ до Никона (Тамъ же стр. 38, 40—1, 78, 88, 125—6 и др.), — что собственно преслѣдоваль св. синодъ, — не покорность ли церкви вообще и непризнаніе ея истинности и храненія въ ней благодати рукоположенія, — или одно только употребленіе старыхъ книгъ и обрядовъ? Далѣе: издавъ въ 1720 году «чинъ, како пріимати отъ раскольниковъ и отступниковъ къ православной вѣрѣ приходящихъ», и помѣстивъ въ этомъ чинѣ проклятіе на всѣхъ, «иже не крестится тремя

въ знаменіи крестномъ не токмо раскольническое, но и всякое иное, не есть членъ вѣры, всякому ко спасенію потребный», и на вопросъ: почему же «на знаменующихся двѣма персты, а не хотящихъ тремя персты знаменатися, влятва положена», почему «и гоненіе терпятъ и расколщиками нарицаются сицевіи», отвѣчаетъ слѣдующее: «того ради, что сицевіи въ догматы ставятъ свое двуперстное сложеніе и отмечающую безуміе ихъ церковь православную безвѣрно хулятъ, и всякія святыни лишены быти сея ради вины блядословятъ. Аще бы сицевіи подъ сложеніемъ своихъ двухъ перстовъ не имѣли сего смертоноснаго яда, но отъ простоты и невѣжества тако знаменалися, не были бы клятвы достойны и раскольническаго имени. А понеже не отъ простоты сія творятъ, но отъ крайній злобы, и въ томъ суевѣріе свое полагаютъ, а противящихся имъ невѣрнымъ и не христіаномъ причитаютъ: достойны суть клятвы и имени раскольническаго, яко сущія противницы церкви и истинѣ» (Облич. гл. I, л. 21). После всего сказаннаго понятно, какъ нужно смотрѣть на проклятіе разныхъ раскольническихъ мнѣній, находящееся въ изданномъ въ 1720 году «чинѣ, како пріимати отъ раскольниковъ и отступниковъ къ православной вѣрѣ приходящихъ», на который указываютъ заблуждающіе въ подтвержденіе того, будто церковь проклинала самые обряды, содержащыя расколъ и дозволенные нынѣ въ единовѣрїи.

первыми персты, по крестятся двумя персты указательнымъ и среднимъ,—иже глаголють во псалмѣхъ аллауіа по дважды, а не по трижды» и проч. (л. 8),—что именно проклинала великороссійская церковь,—непослушаніе ли ей, или старыя обряды и тѣхъ, кто держался ихъ (Вятск. епарх. вѣдом. 1869 г. № 17, стр. 367)? Почему же нынѣ едновѣрцевъ, употребляющихъ и двуперстіе и сугубую аллауіа и проч., церковь великороссійская не проклиняетъ, а благословляетъ? Еще: если, по разуму великороссійской церкви, соборъ 1667 года изрекъ клятву не на обряды первыхъ пяти патріарховъ, а на противниковъ церкви,—то какъ объяснить тѣ «жестокословныя порицанія» на эти обряды, какія находятся въ полемическихъ книгахъ писателей великороссійской церкви. называющихъ напр. двуперстіе аріанствомъ, македоніанствомъ, весторіанствомъ, армянствомъ, армянскою ересію, армянскимъ кукищемъ, аріевою пронастію, адовыми вратами, волшебнымъ знаменіемъ, демоно-сидѣишемъ и чертовымъ преданіемъ, — имя Ісусъ—равноухимъ, чудовищнымъ и ничего не значущимъ, восьмиконечный крестъ — брынскимъ, раскольническимъ и смертоноснымъ ядомъ, — и утверждающихъ даже, что священникъ, служащій литургію на семи просфорахъ, съ изображеніемъ на нихъ печати съ трисоставнымъ крестомъ, проклятъ, отлученъ и изверженъ, и что таинство, совершаемое имъ, не можетъ «быти сущее сватое тѣло Христова и кровь Христова (Тамъ же стр. 366—7; см. окружн. посл. л. 10 об.; записк. старц. Силуана)? Говорятъ, что эти порицанія древнихъ обрядовъ — дѣло частныхъ лицъ, и церковь великороссійская въ нихъ не вино-

вата. Но если такъ, за чѣмъ же церковь позволяетъ такія порицанія? За чѣмъ книги, въ которыхъ находятся они, печатаются съ благословенія св. синода? За чѣмъ, наконецъ, порицанія помѣщаются въ книгахъ богослужебныхъ, церковныхъ (напр. въ предисловіи псалтыри и часослова), издающихся прямо отъ лица синода? А вышеуказанныя распоряженія св. синода о священникахъ, служившихъ по старопечатнымъ книгамъ, не показываютъ ли, что и сама церковь великороссійская смотрѣла, до учрежденія единовѣрія, на «древлецерковное содержаніе» также, какъ смотрѣли на него ея пастыри, писавшіе полемическія книги? Наконецъ, мысль, будто соборъ 1667 года изрекъ клятву не на обряды первыхъ пяти патріарховъ, а на противниковъ церкви, яко еретиковъ и нецковниковъ, высказана не церковною властію, не синодомъ, а частными лицами, и притомъ — уже только въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, когда, въ слѣдствіе разныхъ возраженій со стороны старообрядцевъ, понято было, что церковь, допустивъ единовѣріе и не снявъ въ то же время клятвы собора со всѣхъ, содержащихъ старинные обряды, впала въ противорѣчіе. Прежде же, когда только еще явилась первая мысль о соединеніи съ церковію раскольниковъ «чрезъ посредство старинныхъ обрядовъ», церковь не отрицала того, что клятва собора 1667 года паложена именно на эти обряды. Когда инокъ Никодимъ и потомъ московскіе старообрядцы предлагали св. синоду пункты, на которыхъ соглашались принять благословенное священство, и въ этихъ пунктахъ помѣстили просьбу о разрѣшеніи «преждеположенныхъ клятвъ на двуперстное сложеніе и другіе подобные

сему обряды»,—сунодъ не счелъ нужнымъ, въ успокоеніе совѣсти старообрядцевъ, объявить, что клятвы положены не на обряды, а только митрополитъ Платонъ замѣтилъ, что клятвы возложены на старообрядцевъ «праведно».

«Впрочемъ, продолжаютъ болѣе спокойные и разсудительные старообрядцы, мы не споримъ и даже рады допустить, что соборъ 1667 года изрекъ клятву не на святочтимые нами обряды, а на «человѣковъ, изъ-за внѣшнихъ знаменій непокорившихся великому собору церкви» (Прав. Обзор. 1867 г. февр. стр. 255), на тѣхъ, «которые не только содержатъ обряды столпаго собора, но, по случаю сихъ обрядовъ, являются противниками православной церкви» (свѣд. о единов. церкв. л. 45). Но если и такъ, мы все-таки не понимаемъ, почему единовѣрцы, вопреки опредѣленію собора, употребляющіе старинныя книги и обряды, и слѣдовательно не покоряющіеся церкви въ томъ, что соборъ узаконилъ, свободны отъ клятвы собора, между тѣмъ какъ раскольникъ за содержаніе тѣхъ же книгъ и обрядовъ подлежатъ ей (Истин. вѣ. 5, л. 36). Говорятъ: единовѣрцамъ благословлено употребленіе книгъ и обрядовъ, за содержаніе которыхъ раскольникъ подлежатъ клятвѣ собора 1667 года,—потому, что церковь «довольнымъ временемъ увѣрилась, что единовѣрцы съ своимъ обрядомъ не соединяютъ никакого не православнаго мудрованія» (Прав. Обзор. 1867 г. февр. стр. 247). Но, по словамъ самихъ же писателей великороссійской церкви, «болѣе, нежели столѣтній опытъ показалъ, что и старообрядцы отъ православнаго ученія о Пресвятой Троицѣ и о воплощеніи Сына Божія не отпали, что въ крест-

номъ знаменіи они продолжаютъ образовывать таинство Пресвятыя Троицы и воплощенія Сына Божія, какъ и православная церковь, только не такимъ расположеніемъ перстовъ, какое она издревле употребляетъ» (Бесѣд. къ глагол. стар. стр. 118), и что вообще, по признанію самого св. сѹнода, старинные обряды церковные, содержимые раскольниками, не разрушаютъ ни слова Божія, ни догматовъ, ни правилъ церковныхъ, и раскольники «въ сумволѣ августѣйшей вѣры, въ почитаніи святыхъ седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ со святою вселенскою церковію не разглашаются» (Искан. стар. архіер. стр. 15, 25 и 26; см. Увѣщан. митр. Плат. з. 29). А если такъ, то «не достойно ли христіанской кротости и любви» — избавить, наравнѣ съ единовѣрцами, отъ грознаго приговора собора 1667 года и старообрядцевъ, такъ какъ и оны употребляютъ «обряды, хотя отчасти и неправильные, однако не разрушающіе существа вѣры» (Бесѣд. къ глаг. стар. стр. 119)?

«Говорятъ: «обряды раскола и обряды единовѣрія не одни и тѣ же, по своему внутреннему значенію, слѣдовательно по своему существу, хотя и представляются одинаковыми по внѣшнему виду. Своеобычные обряды раскола суть знаки его самочинія и противленія церкви.—обряды единовѣрія суть знаменія благочестія, содержимые уже не по самочинію и противленію церкви, но ею знаемо и снисходительно невозбраненные.—суть средства выраженія внутренняго единенія» единовѣрцевъ съ церковію. Обряды раскола, какъ находящагося въ отлученіи отъ церкви, и слѣдовательно лишеннаго и благодати ея, не имѣютъ ни-

какого освященія; между тѣмъ обряды единовѣрціи пришедшаго въ общеніе съ церковію, уже «дышащаго дыханіемъ ея Духа, святятся Духомъ, живущимъ въ церкви, святятся въ мѣру, какая Духу угодна», и потому хотя они и «особны», отличны отъ обрядовъ церкви православной, служатъ однакоже «знаменіемъ единомыслія съ цесю». Слѣдовательно, «что говорится прогивъ обрядовъ раскола, — не должно быть съ недалъновиднымъ смущеніемъ прилагаемо къ обрядамъ единовѣрціи; и на оборотъ, что утверждается объ обрядахъ единовѣрціи, не должно быть съ недалъновидною же рѣшительностію прилагаемо къ обрядамъ раскола» (Справ. Обзор. 1867 г., февр., стр. 246 — 7 и 256). Мы—говорять раскольники—люди темные, недалъновидные, и потому да простятъ намъ писатели великороссійской церкви, если мы скажемъ, что никакъ не можемъ объяснить себѣ, какимъ образомъ «*особныя* обряды единовѣрціи служатъ средствомъ выраженія внутренняго *единенія* единовѣрцевъ съ церковію, имѣющею свои отличныя обряды.—знаменіемъ единомыслія съ нею», когда, по словамъ тѣхъ же писателей, только «въ единствѣ обрядовъ видимо проявляется для всякаго, даже непросвѣщеннаго и виѣшняго, единство ея духа и ученія» (тамъ же, стр. 248)? Съ другой стороны, признавая, что особныя обряды единовѣрцевъ, находящихся въ союзѣ съ церковію, святятся ея Духомъ—въ мѣру, какая Ему угодна,—мы однакоже боимся и подумать, будто тѣже по виѣшнему виду обряды старообрядцевъ, какъ находящихся въ отлученіи отъ церкви, не имѣють никакого освященія. Какъ? ужели, напр., старообрядцы, совершая крестное знаменіе двумя перстами, изображаютъ одинъ

только ви́шній, ничего не значущій знакъ, а не освящаются имъ? Ужели, произнося слово: Исусъ, они испускаютъ простой, бессмысленный звукъ, а не употребляютъ спасительнаго имени Христа Спасителя? Ужели, почитая осьмиконечный крестъ, они чтятъ простое дерево, а не святое, животворящее орудіе нашего спасенія? Нѣтъ; жестоко слово сіе; и сама велико-россійская церковь думаетъ иначе; въ лицѣ своихъ архинастырей она проповѣдуетъ, что «Исусъ или Исусъ есть одно и то же имя, есть одинъ вочеловѣчившійся Сынъ Божій и Спаситель нашъ» (Бес. къ глаг. стар., стр. 18), что, совершая крестное знаменіе двумя перстами, старообрядцы правильно исповѣдуютъ святую Троицу и воплощеніе Сына Божія, только не тѣмъ расположеніемъ перстовъ, какое употребляетъ великороссійская церковь (тамъ же, стр. 118 и 186). что крестъ осьмиконечный, исключительно почитаемый старообрядцами, также святъ, какъ и четвероконечный (тамъ же, стр. 49). А принимая старообрядцевъ, обращающихся къ церкви, чрезъ одно миропомазаніе, церковь тѣмъ самымъ даетъ знать, что она признаетъ святость даже совершаемаго ими таинства крещенія (свѣд. о един. церкв. л. 45). А если такъ, то можно ли согласиться и съ тѣмъ, будто обряды раскола и единовѣрія — не одни и тѣ же, по своему внутреннему значенію, и будто того, что утверждается объ обрядахъ единовѣрія, нельзя прилагать къ обрядамъ раскола, и на оборотъ? Нѣтъ; сколько мы знаемъ полемическія сочиненія писателей великороссійской церкви — за послѣдніе сто лѣтъ, — въ нихъ прямо высказывается та мысль, что обряды раскола, по своему внутреннему смыслу и значенію, не отли-

чаются не только отъ обрядовъ единовѣрія, но и отъ обрядовъ церкви православной, и только по вѣшнему виду не сходствуютъ съ ними. За что же послѣ этого содержащіе эти обряды подлежатъ проклятію собора 1667 года, снятому уже съ единовѣрцевъ?»

«Говорятъ: «изреченное соборомъ 1667 года проклятіе положено на непокоряющихся святой восточной церкви и освященному собору, на противниковъ, яко еретиковъ и некорниковъ. И слѣдственно вступившіе въ миръ и соединеніе со святою апостольскою церковію, поелику симъ являютъ, что они не суть противники, то по самой силѣ опредѣленія собора 1667 года должны быть разрѣшены и разрѣшаются и пребываютъ свободны отъ изреченнаго тѣмъ соборомъ проклятія» (Свѣд. о единов. церкв., л. 24), — разрѣшаются именно св. синодомъ» (Бес. къ глаг. стар., стр. 119). Но во-первыхъ, соборъ 1667 года, какъ было уже сказано, положилъ клятву не просто на непокорившихся ему и церкви, но на непокорившихся ему въ принятіи книгъ и обрядовъ исправленныхъ; а въ этой непокорности церкви виновны и единовѣрцы, наравнѣ съ старообрядцами (Истин. кн. 5, л. 36). Во-вторыхъ, клятва была изречена соборомъ, на которомъ, кромѣ московскаго патріарха, засѣдали еще два патріарха восточныхъ; значить, св. синодъ своею собственною властію, безъ сношенія съ восточными патріархами, не имѣлъ и не имѣетъ права разрѣшить эту клятву. Говорятъ: «каждая помѣстная церковь имѣетъ право, въ цѣляхъ своего благоустроенія, опредѣлять въ своихъ предѣлахъ тѣ или другіе обряды и обычаи, когда съ оными не соединяется мудрованія, несогласнаго съ ученіемъ вселенскимъ,

православнымъ, и когда этими обрядами не вводятся въ соблазнь прочія помѣстные церкви. Посему церковь россійская поступила правильно, не возбранивши единовѣрцамъ ихъ особый обрядъ, съ коимъ они не соединяютъ никакого неправославнаго мудрованія и который, будучи не неизвѣстенъ прочимъ православнымъ церквамъ восточнымъ, никакого блаженія доселѣ въ нихъ не производилъ» (Прав. Обзор. 1867 г. февр., стр. 258). Правда, помѣстная церковь имѣетъ указанное право; но если по какимъ-либо причинамъ извѣстные обряды помѣстной церкви признаны неправильными и такой судъ объ нихъ произнесенъ не одною этою церковію, а и предстоятелями другихъ помѣстныхъ церквей, если притомъ употребленіе этихъ обрядовъ запрещено подъ угрозою проклятія—*въ видахъ вселенскаго единства въ обрядахъ*; то помѣстная церковь не имѣетъ права сама измѣнить такой приговоръ и разрѣшить употребленіе запрещенныхъ обрядовъ, не испросивъ на то согласія и прочихъ помѣстныхъ церквей. А обряды, употребляемые единовѣрцами, признаны неправильными соборомъ, который такъ обозначилъ составъ своихъ членовъ: «мы милостію Божіею православніи вселенстіи патріарси, Павсій папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселенній и Макарій патріархъ Божія града великія Антиохіи и всего востока, вкупѣ со братомъ и сослужителемъ нашимъ святѣйшимъ Куръ Іоасафомъ, патріархомъ московскимъ и всея Россіи, и съ преосвященными митрополиты, архіепископы и епископы россійскими и со прилучившимися здѣ греческими архіереями и со прочими, и со всемъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго государства... соборнѣ запо-

вѣдуютъ»... Говорятъ: единовѣріе «благословлено церковію всероссійскою, а слѣдственно и вселенскою, съ которою всероссійская церковь едино есть» (Бес. къ глагол. стар., стр. 119—120). Но если это разсужденіе справедливо, въ такомъ случаѣ зачѣмъ же укоряютъ стоглавый соборъ за то, что онъ не спросилъ совѣта у восточныхъ патріарховъ по вопросамъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и употребленія аллилуіа, а рѣшилъ эти вопросы самъ и чрезъ это будто бы «выступилъ изъ предѣловъ іерархическаго порядка и церковнаго послушанія» и тѣмъ лишилъ себя покровъ божественной благодати, въ слѣдствіе чего и впалъ въ погрѣшности (Тамъ же, стр. 112 и 113)? Вѣдь и дѣйствовавшая на стоглавомъ соборѣ всероссійская церковь была едино со вселенскою. Съ другой стороны, если существующая нынѣ всероссійская церковь есть едино со вселенскою и на этомъ основаніи—приговоръ ея есть приговоръ церкви вселенской; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ допустить, что св. синодъ можетъ не только «опредѣлять въ предѣлахъ своего вѣдѣнія тѣ или другіе обряды или обычаи», но и «постановлять догматическія опредѣленія церковнаго ученія». А между тѣмъ сами же писатели великороссійской церкви не признаютъ этого права за церковію помѣстною, а слѣдовательно и Россійскою» (Прав. Обзор. 1867 г., февр., стр. 258).

Таковы, въ главныхъ чертахъ, недоумѣнія, которыя слышатся со стороны раскольниковъ и многихъ даже единовѣрцевъ, по поводу клятвы собора 1667 года на содержащихъ книги и обряды, дозволенные церковію въ единовѣрїи. Не лишнимъ считаемъ прибавить, что эти недоумѣнія раздѣляются и нѣкоторыми православными. Что же сказать объ нихъ?

Прежде всего то, что, какъ оказывается, всё объясненія, какія доселѣ представлены со стороны православныхъ писателей въ разрѣшеніе недоумѣній, высказываемыхъ старообрядцами и нѣкоторыми изъ самихъ единовѣрцевъ, по поводу дозволенныхъ церковію въ единовѣрїи обрядовъ, за содержаніе которыхъ соборомъ 1667 года положена клятва,—не на столько убѣдительно, чтобы могли исполнѣть успокоить недоумѣвающихъ. Во вторыхъ, если многія изъ указанныхъ недоумѣній (будто напр. соборъ изрекъ клятву на самые обряды) и не отличаются основательностію и справедливостію,—за то нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя отказать въ значительной долѣ правды. Въ третьихъ, если церковь, убѣдившаяся въ правильномъ смыслѣ обрядовъ, содержаемыхъ единовѣрцами, нашла возможнымъ дозволить имъ ихъ употребленіе,—то, безъ всякаго нарушенія правды, она можетъ, не ограничиваясь частнымъ разрѣшеніемъ каждаго, вступающаго въ общеніе съ нею путемъ единовѣрїя, старообрядца, разрѣшить вообще клятву собора 1667 года, изреченную имъ на тѣхъ, кто не хотѣлъ принять узаконенныхъ соборомъ обрядовъ, содержаемыхъ нынѣ православіемъ. Такое дѣйствіе церкви не только успокоитъ самихъ единовѣрцевъ, но будетъ въ тоже время однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ приведенію на путь истины и раскольниковъ. Что бы кто ни говорилъ, но, по нашему искреннему убѣжденію и по словамъ самихъ раскольниковъ, клятва собора 1667 года, бывши одною изъ причинъ того, что приверженцы церковнаго порядка вещей, существовавшаго до Никона, сдѣлались во второй половинѣ XVII столѣтія раскольниками, служить и доселѣ главною пре-

градою, пренятствующею лицамъ, ревнующимъ за одну букву церковной книги, за каждую мелочь церковной практики,—войти въ союзъ съ церковію. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ раскольника, который, по недоразумѣнію, или по издѣтства усвоенной привычкѣ, искренно убѣжденъ, что только двуперстіе, сугубая аллилуія, седмипросфоріе и прочія обрядовыя разности, существующія между расколомъ и православіемъ, правильны и спасительны. Вотъ этотъ человѣкъ сознаетъ, что, храня свои мнимо-древніе обряды, онъ въ тоже время не имѣетъ священства, или имѣетъ неправильное, лишень многихъ таинствъ, необходимыхъ для спасенія, однимъ словомъ находится внѣ корабля, на которомъ спасаются, т. е. церкви. Умственный взоръ его обращается туда, гдѣ пребываетъ благодать святительства и священства, а съ нею вмѣстѣ и благодать освященія вѣрующихъ таинствами, но гдѣ существуютъ обряды, отличные отъ тѣхъ, коими онъ привыкъ дорожить, какъ святыми, и разстаться съ которыми у него не достаетъ силъ,—т. е. къ церкви православной. Что ему дѣлать? Онъ готовъ уже войти въ общеніе съ церковію, чтобы воспользоваться полнотою ея благодати, но эта церковь условіемъ единенія съ нею ставитъ принятіе тѣхъ обрядовъ, изъ—за которыхъ онъ главнымъ образомъ и отдѣлялся отъ ней. Разумѣется, выполнить это условіе ему болѣе, чѣмъ трудно. Правда, церковь готова принять заблудшаго въ свои вѣдра и съ оставленіемъ ему права пользоваться тѣми обрядами, которыми онъ дорожитъ, какъ священными; но за употребленіе этихъ обрядовъ,—онъ знаетъ,—наложено соборомъ 1667 года проклятіе, которое считаетъ «пра-

ведно» изреченнымъ и церковь, разрѣшающая ему пользоваться этими запрещенными обрядами... Пусть ему говорятъ, что клятва собора лежитъ на тѣхъ, кто, храня старыя книги и обряды, въ тоже время не повинуются церкви, и что она снимается съ тѣхъ, кто входитъ въ общеніе съ нею; эти поученія не достигнуть цѣли—потому, что онъ сознаетъ, что, оставаясь при обрядахъ, которыхъ сама церковь не принимаетъ, и онъ является послушникомъ ея и освященнаго собора,—потому еще, что, по своей неразвитости, онъ никакъ не можетъ понять, почему одинъ и тотъ же церковный обрядъ въ одномъ случаѣ пріобрѣтаетъ благословеніе церкви и ведетъ ко спасенію, въ другомъ—заслуживаетъ анаѣму и слѣдовательно губить того, кто его содержитъ. Въ иномъ совѣмъ положеніи будетъ находиться раскольникъ, когда церковь, по снисхожденію къ немощнымъ и вслѣдствіе дознанія, что обряды единовѣрія, а слѣдовательно и раскола, не заключаютъ въ себѣ никакой не православной мысли, торжественно разрѣшитъ клятву собора 1667 года. Чѣмъ тогда раскольникъ оправдастъ предъ своею совѣстію отдѣленіе свое отъ церкви? Если онъ укажетъ на то, что церковь, призывающая его въ свои нѣдра, сама содержитъ не тѣ обряды, къ которымъ онъ привыкъ,—православіе, въ лицѣ своихъ пастырей, отвѣтитъ ему, что онъ можетъ, если хочетъ, оставаться и при своихъ особнхъ обрядахъ, которые хотя менѣе правильны, чѣмъ содержимые церковію, однако не разрушаютъ существа вѣры и слѣдовательно не лишаютъ своихъ читателей спасенія, *если только они создаютъ его въ союзъ съ церковію*. Не вѣрить справедливости и искренности подобнаго за-

явленія со стороны церкви тогда нельзя будетъ; самый фактъ разрѣшенія ею клятвы собора 1667 г. будетъ служить убѣдительнонѣйшимъ доказательствомъ того, что, по мысли церкви, обряды, употребленіе которыхъ по разнымъ обстоятельствамъ было запрещено соборомъ, сами по себѣ не лишаютъ человѣка права на спасеніе. Если раскольникъ будетъ спрашивать, почему церковь, не отрицающая спасительнаго значенія, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ, сама содержитъ *иные* обряды,—ему отвѣтятъ и докажутъ, что эти *иные* обряды болѣе правильны и древни и слѣдовательно заслуживаютъ преимущественнаго употребленія; этимъ отвѣтомъ объяснится и то, почему церковь, дозволяя употребленіе старыхъ книгъ и обрядовъ единовѣрцамъ, отказываетъ въ томъ же правѣ «своимъ чадамъ, въ ея общеніи рожденнымъ и воспитаннымъ». Наконецъ, возможное недоумѣніе раскольника: въ правѣ ли церковь дозволять находящимся въ союзѣ съ нею употребленіе разныхъ обрядовъ и не значить ли такое разнообразіе въ церкви обрядовъ неистинности ея,—можетъ быть разрѣшено указаніемъ на то, что *царствіе Божіе не въ словеси, а въ силѣ* (1 Кор. IV, 2), что главнымъ основаніемъ церковнаго единства православныхъ христіанъ служить, по слову апостола, *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ* (Ефес. IV, 5—6), а не внѣшнія выраженія ихъ благочестія, которыя могутъ быть различны, по мѣрѣ дарованія каждаго, и къ которымъ нужно относиться *со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ, терпяще другъ друга любовію, тщаяся блюсти* главнымъ образомъ *единеніе духа въ союзъ мира* (Тамъ же ст. 2 и 3), что

собственно *безъ* правой *стары* невозможно *угодити* Богу, и обряды «не суть догматы, до вѣры не принадлежатъ и до опроверженія ея основанія не касаются, но суть вещи для украшенія и благочинія церковнаго введенныя, свободѣ хрестіанской подлежащія, ко спасенію вѣчному и нашему оправданію не дѣлающія ни малѣйшаго приращенія» (Искан. старообр. архіер. стр. 22; Опис. докѹм. и дѣлъ св. сѹвод. т. I, стр. СССХVII), и что слѣдовательно церковь, держа сама обряды и книги исправленныя, имѣетъ право, по снисхожденію къ немощнымъ, дозволить нѣкоторымъ изъ своихъ чадъ употребленіе и обрядовъ особнѣхъ,— когда съ ними не соединяется никакого неправославнаго мудрованія. Если же обрядъ не разрушаетъ существа вѣры, въ такомъ случаѣ почему церковь до времени учрежденія единовѣрія запрещала употребленіе обрядовъ, бывшихъ при первыхъ пяти патріархахъ, и даже проклинала употреблявшихъ ихъ? На это послѣднее недоумѣніе раскольника тогда можно будетъ отвѣтить словами: *всему свое время и время всякой вещи подѣ небесѣмъ*. Когда ревнители мнимой старины, при исправленіи книгъ и обрядовъ въ патріаршество Никола, упорно возстали противъ церкви въ защиту этихъ книгъ и обрядовъ, не чуждыхъ погрѣшностей, когда на перемѣну даже одной буквы въ этихъ книгахъ они стали смотрѣть, какъ на перемѣну вѣры, какъ на ересь, когда притомъ исправленныя обряды и книги начали поносить самими «хульными» именами, а церковь, принявшую эти исправленія,—обзывать «оскверненною ересью многими и антихрестовою скверною», вслѣдствіе чего «мнози хрестіане отлучишася церковнаго входа и молитвы,

и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія, и пріятія тѣла и крови Христовы лишашася», когда наконецъ вожди возставшихъ противъ церковнаго исповѣданія провозгласили потерявшею истину и православіе не только церковь русскую, но и греческую (Дополн. къ акт. истор. т. V, стр. 449 и 459 и др.), и такимъ образомъ впади въ ложную, еретическую мысль, будто истинная церковь, вопреки слову Основателя своего, прекратилась на землѣ,—соборъ Московскій 1667 года строго судилъ такое неправильное мудрованіе и на защитниковъ его, «яко еретиковъ и непокорниковъ», наложилъ проклятіе. Запрещая до учрежденія единовѣрія употребленіе, такъ называемыхъ, старыхъ книгъ и обрядовъ, перазумная ревность къ которымъ вызвала строгое опредѣленіе собора,—церковь только въ точности слѣдовала тому, что постановили отцы собора. Когда же съ теченіемъ времени болѣе близкое знакомство съ защитниками мнимой старины показало, что обряды ихъ не заключаютъ въ себѣ никакой неправославной мысли, что привязанность къ нимъ мнимыхъ старовѣровъ происходитъ отъ простоты и невѣдѣнія, а не отъ еретическаго мудрованія, и что вообще въ вѣрѣ въ основные догматы они не погрѣшаютъ,—когда нѣкоторые изъ заблуждающихся, уразумѣвъ, что церковь православная «истинствуется», пожелали общенія съ нею, только съ сохраненіемъ своихъ особнхъ обрядовъ, когда притомъ въ наши дни слышится со стороны самаго раскола (въ извѣстномъ - обружномъ посланіи) иной, болѣе правильный сравнительно съ прежнимъ, судъ о церкви и о мнимой старинѣ.—церковь, имѣющая власть *вязать и рѣзать*, заблагоразсудила строгій

свой судъ предложить на мпость и, памятуя слова апостола: *быть немощнымъ къ немощнымъ*, дозволила употребленіе, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ въ единовѣрїи и даже находить возможнымъ въ настоящее время разрѣшить самую клятву собора 1667 года, положенную за употребленіе этихъ обрядовъ, соединенное съ непослушаніемъ церкви и отдѣленіемъ отъ нея.

И такъ разрѣшеніе клятвы собора 1667 года необходимо и по существу дѣла, — разногласіе съ церковію въ обрядахъ, съ которыми, какъ дознано многолѣтнимъ опытомъ, не соединяется никакого неправославнаго мудрованія, — не такой грѣхъ, который бы заслуживалъ анаѣммы, — и въ виду уничтоженія тѣхъ затрудненій, какія ставитъ эта клятва на пути искренняго соединенія съ церковію не только раскольниковъ, но и многимъ изъ самихъ единовѣрцевъ, — и наконецъ для того, чтобы церковь, допустившая употребленіе этихъ обрядовъ въ единовѣрїи, *не казалась* по крайней мѣрѣ противорѣчащею самой себѣ. Тогда и, по нашему искреннему убѣжденію, только тогда единовѣрїе сдѣлается силой, которая сокрушитъ расколь въ самомъ его основаніи, — тогда и только тогда расколь, искренно, глубоко преданный своимъ обрядамъ (разумѣемъ въ этомъ случаѣ массу раскольниковъ, а не вожаковъ ихъ, изъ которыхъ многіе своекорыстно пользуются привязанностію народа къ старинѣ) и не желающій, а, быть можетъ, и не могущій до поры — до времени принять обрядовъ православія, станетъ безотвѣтенъ предъ своею совѣстію въ своемъ отдѣленіи отъ церкви.

Такъ мы думаемъ, но есть лица, которыя отъ

осуществленія нашей мысли не только не предвидягь никакой пользы для церкви, напротивъ предрекаюгь положительный вредъ для ней и — пользу только для раскола. «Блюдитесь, говоритъ авторъ замѣчательной статьи о единовѣрїи, помѣщенной въ Православномъ Обзорѣни за 1867 годъ, обращаясь къ единовѣрцамъ, — блюдитесь, какъ бы смущеніе смущающихся между вами (по поводу клятвы собора 1667 года) не послужило къ радости раскола. Расколъ мудрествуетъ: «мои обряды и обряды единовѣрїя одинаковы; единовѣрїе признало церковь, въ зависимости отъ нея, но я не хочу покориться церкви, притти въ послушаніе ея священноначалію, желаю независимости, мию самъ быть церковію, — одно мнѣ препятствіе къ сему, нахожусь подъ соборнымъ отлученіемъ, подъ клятвою за непокореніе церкви; главная вина этого непокоренія мои обряды; буду говорить, что клятва лежитъ на обрядахъ; отъ сего могутъ притти въ смущеніе и единовѣрцы, ибо у нихъ тѣже обряды; и единовѣрны возговорятъ о снятіи клятвы съ ихъ обрядовъ; церковь успокоитъ ихъ, сниметъ эти глаголемыя клятвы; тогда и я *покажусь* избывшимъ отлученія... Какое тогда будетъ препятствіе признать меня церковію?» Братья, единомудрствующіе съ православною церковію, блюдитесь, како опасно ходите?» (Прав. Обзор. 1867 г. февр. стр. 255—6).

По внушенію ли раскольниковъ весьма многіе изъ единовѣрцевъ смущаются клятвою собора 1667 года, или смущеніе ихъ имѣетъ источникомъ своимъ собственную ихъ совѣсть, целодумѣвающую, какимъ образомъ употребленіе однихъ и тѣхъ же обрядовъ въ одно и то же время и благословляется и проклинается

церковію, — мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ, если это недоумѣніе есть и оно препятствуетъ единовѣрцамъ съ мирною совѣстію созидать свое спасеніе въ союзѣ съ церковію, — долгъ церкви уничтожить его, т. е. разрѣшить клятву собора 1667 года. Что же касается раскола, то, какъ мы уже видѣли, со стороны его слышится совершенно другая рѣчь о цѣли, съ какою онъ добивается разрѣшенія соборной клятвы (Искан. стар. архіер. стр. 8; Свѣд. о един. церкв. л. 47), и потому опасаться, чтобы такое дѣйствіе церкви не дало самому расколу права на названіе церкви, значить съ одной стороны не вѣрить заявленіямъ такихъ честныхъ и искреннихъ личностей, какъ инокъ Никодимъ, или о. Павелъ (прусскій), съ другой — думать, будто общество христіанъ безъ іерархіи, безъ таинствъ, или и съ іерархією, но не законно, святотатственно присобрѣтенною, можетъ не только назваться, но даже и показаться кому либо, кромѣ людей неразумныхъ, истинною церковію. Правда, тогда расколъ *покажется* избывшимъ отлученія, но не какъ *расколъ*, а какъ общество христіанъ, употребляющихъ особые обряды; но это обстоятельство, по нашему мнѣнію, только отниметъ у него и послѣдній поводъ оставаться въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находится нынѣ. Нынѣ, въ оправданіе своего отдѣленія отъ церкви, заблуждающіе указываютъ на то, что, не смотря на допущеніе единовѣрія, она будто бы не признаетъ, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ и даже проклинаетъ ихъ употребленіе; тогда это оправданіе не будетъ имѣть смысла. А если бы и нашлись лица, которыя, не смотря на такую милость церкви, все-таки оставались бы вдали

отъ ней, — долгъ церкви, ни мало не сожалѣя о томъ, что разрѣшеніемъ соборной клятвы она сдѣлаетъ последнее, возможное въ предѣлахъ истины, свисхожденіе къ заблуждающимъ — съ цѣлю привлечь ихъ къ себѣ, — *усугубить* въ лицѣ своихъ пастырей благовѣстіе истины, хранящейся въ ней, и молиться, дабы и тѣ, *иже суть внѣ двора ея*, просвѣтились Духомъ истины, наставляющимъ насъ на всякую истину. Тогда эти несчастные будутъ сами себя отлучать отъ церкви, а отъ такой переменны участь ихъ, какъ *самоосужденныхъ*, не только не улучшится, напротивъ сдѣлается горше прежней.

И такъ, повторяемъ, въ виду отнятія у раскола предлога удалиться отъ церкви, дозволившей въ единовѣрїи употребленіе тѣхъ самыхъ книгъ и обрядовъ, изъ за которыхъ онъ отдѣляется отъ ней, и съ цѣлю — успокоить самихъ единовѣрцевъ, необходимо клятву собора 1667 года, скажемъ словами этого же собора, «разрѣшить и разрушить». Какъ сдѣлать это? Удовлетворительное и благодѣтельное для церкви рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ мудрости самой церкви; съ своей стороны считаемъ возможнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Во первыхъ, такое дѣйствіе церкви не будетъ признаніемъ неправильности опредѣленія собора 1667 года, а будетъ простою отмѣною этого опредѣленія, какъ ненужнаго болѣе для цѣлей благоустройства церковнаго, на что церковь имѣетъ право. Не будетъ также разрѣшеніе клятвы собора 1667 года — снятіемъ клятвы съ обрядовъ, чтимыхъ единовѣрцами и старообрядцами, потому что клятвы на обряды и не было положено, а равно не будетъ и соборнымъ *освященіемъ* этихъ обрядовъ

самихъ въ себѣ, безъ разсмотрѣнія отношенія читателей ихъ къ церкви (Прав. обзор. 1867 г. февр. стр. 259); разрѣшеніемъ клятвы собора 1667 года церковь только торжественно заявить, что она не считаетъ, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ препятствіемъ къ единенію съ нею и что содержаніе этихъ обрядовъ *само по себѣ*, если съ нимъ не соединяется никакого не православнаго мудрованія и противленія церкви, не подлежитъ болѣе соборному проклятію. Во вторыхъ, такъ какъ клятва на содержащихъ мнимо-старые обряды и книги была изречена соборомъ, на которомъ, кромѣ московскаго патріарха, присутствовали еще два патріарха восточныхъ — александрійскій и антиохійскій; то и отмѣна этой клятвы должна быть сдѣлана русскою церковію съ вѣдома и согласія указанныхъ патріарховъ. Въ третьихъ, хотя, какъ показываютъ несомнѣнные данныя (Дѣл. патр. Никона, Субботина, стр. 244—249), патріархи александрійскій и антиохійскій, засѣдавшіе на соборѣ 1867 года, не имѣли никакого полномочія отъ остальныхъ восточныхъ патріарховъ; но такъ какъ въ послѣдствіи времени, именно—по случаю просьбы царя Оседора Алексѣевича о разрѣшеніи патріарха Никона и признаніи его патріархомъ, правильность опредѣленій московскаго собора 1667 года была подтверждена и патріархами константинопольскимъ и іерусалимскимъ (Житіе патр. Никона, изд. въ 1784 г. Спб. стр. 210 и 223); то, по долгу правды, вопросъ о разрѣшеніи клятвы собора 1667 года не можетъ быть рѣшенъ безъ вѣдома и согласія и этихъ патріарховъ, какъ и заявлялъ объ этомъ еще инокъ Никодимъ, прося св. синодъ разрѣшить клятву «сношеніемъ святѣйшихъ

четверопрестольныхъ патриарховъ» (Искан. старообр. архіер. стр. 11). Наконецъ, въ виду того обстоятельство, что св. синодъ постоянно, до самаго послѣдняго времени, входилъ въ сношеніе съ восточными патриархами по разнымъ дѣламъ церкви, какъ было это напр. — по случаю бѣгства изъ Константинополя къ Буковинскимъ раскольникамъ греческаго лжемитрополита Амвросія, основателя, такъ называемой, австрійской лжеіерархіи (Собр. пост. по част. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 436—443), или недавно — по поводу разныхъ неурядицъ въ Болгарской церкви (Христ. Чтен. 1869 г. сентябр. стр. 355—361), и что допущеніе св. синодомъ еднновѣрія — съ обрядами, нѣсколько отличными по виѣшнему виду отъ обрядовъ, принятыхъ русскою церковію въ видахъ согласія съ церковію вселенскою, но не противорѣчащими истинѣ вселенской, православной, не вызвало въ теченіе болѣе 50 лѣтъ со стороны восточныхъ патриарховъ никакихъ недоразумѣній, и согласіе между церквами и послѣ этого неизмѣнно продолжалось и продолжается доселѣ, — справедливо можно надѣяться, что православные патриархи православнаго востока не откажутъ русской церкви въ своемъ согласіи на разрѣшеніе клятвы собора 1667 года, на которомъ принимали участіе ихъ предшественники своимъ личнымъ участіемъ, или письменнымъ одобреніемъ соборнаго постановленія. Если же извѣстіе «Московскихъ вѣдомостей» о томъ, что сношенія съ восточными патриархами по вопросу о клятвѣ собора 1667 года уже дѣлаются (Моск. вѣдом. 1866 г. № 276), справедливо; въ такомъ случаѣ можно думать, что недоразумѣнія, существующія по поводу этой клятвы

у раскольниковъ и у многихъ изъ самихъ единовѣрцевъ, скоро прекратится, и восстановленію между чадами русской церкви мира, нарушеннаго по недоразумѣнію нѣкоторыхъ въ половинѣ XVII вѣка, будетъ положено прочное начало.

А какъ скоро клятва, изреченная соборомъ 1667 года на не желавшихъ принять узаконенные имъ обряды и книги, будетъ разрѣшена, — необходимо будетъ св. синоду уничтожить и тѣ, по выраженію раскольниковъ, «жестокословныя порицанія» обрядовъ, содержимыхъ раскольниками и дозволенныхъ единовѣрцамъ, какія находятся въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ православныхъ писателей, особенно конца XVII и первой половины XVIII столѣтій. Какъ мы уже видѣли, эти «порицанія» смущаютъ раскольниковъ и многихъ единовѣрцевъ не менѣе, чѣмъ самая клятва собора 1667 года, и уничтоженія ихъ требуютъ и долгъ правды, — многолѣтній опытъ показалъ, что раскольники съ своими обрядами не соединяютъ никакого неправильнаго мудрованія, — и не обходимость успокоить совѣсть единовѣрцевъ, употребляющихъ тѣ же обряды, — и достоинство церкви православной, чуждой духа вражды и укоризны, ⁽¹⁾ и наконецъ необходимость показать этимъ дѣйствіемъ, что церковь

(1) Не лишнимъ считаемъ припомнить здѣсь, что составители, такъ называемаго, окружнаго посланія, сказавъ, что они «не общаются хуламъ беспоповскимъ» на церковь православную и ея обряды и даже именованно опровергаютъ ихъ, прибавили: «и молимъ живущаго въ вышнихъ, единаго безначальнаго Царя славы, да послужитъ сіе образцемъ ученымъ пастыремъ господствующей нынѣ въ Россіи церкви, яко да и тѣ обратятъ должное вниманіе о вышепредложенныхъ жестокословныхъ порицаніяхъ, отъ предметниковъ ихъ сочиненныхъ и въ свѣтъ изданныхъ. Мы же всякаго злохуленія отвращаемся» (Окружн. посл. л. 12). Правѣръ, достойный подражанія.

искренно признаетъ единовѣрцевъ своими чадами, не смотря на различіе ихъ обрядовъ отъ обрядовъ православія. Правда, «порицанія» обрядовъ раскольническихъ, находящіяся въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ, — дѣло частныхъ лицъ и церковь православная въ нихъ нимало не виновна; но такъ какъ нѣкоторыя изъ книгъ, въ которыхъ содержатся эти «порицанія», изданы были по благословенію св. сѣнода, такъ какъ съ другой стороны основаніе для нѣкоторыхъ «порицаній» напр. двуперстія, явившихся послѣ въ разныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, положено было на самомъ соборѣ 1667 года (Дополн. къ актамъ истор. т. V, стр. 472 и 502), — и кромѣ того «порицанія» эти помѣщались и въ книгахъ, право изданія которыхъ исключительно принадлежитъ св. сѣноду, напр. въ предисловіяхъ псалтири и часослова; то и уничтоженіе означенныхъ «порицаній» можетъ и должно быть сдѣлано не иначе, какъ властію церковною. Впрочемъ, необходимость уничтоженія церковію оскорбительныхъ для старообрядцевъ выраженій объ ихъ обрядахъ, содержимыхъ п единовѣрцами, признается не только частными лицами (Моск. вѣдом. 1866 г. № 276, 1867 г. № 5), но и самую властію церковною и уже отчасти начинаетъ приводиться въ исполненіе. Надѣемся, ни для кого уже не будетъ новостію извѣстіе о томъ, что, по мысли покойнаго преосв. Филарета Московскаго, св. сѣнодъ съ 1866 года уже не печатаетъ болѣе въ предисловіяхъ псалтири и часослова тѣхъ словъ порицанія на двуперстіе, какія прежде находились въ нихъ, а напротивъ, послѣ мирнаго разбора основаній на которыхъ защитники двуперстія утверждаютъ свой

обычай креститься двумя перстами, прямо заявляетъ, что церковь, какъ чадолюбивая мать, тѣхъ изъ старообрядцевъ, кои «обращаются въ ея послушаніе», не только принимаетъ «въ свое общеніе и благодатное единеніе», но и «двоперстно знаменатися имъ не возбраняетъ; понеже многимъ временемъ явлено бысть, яко не соединяють съ симъ никакого неправославнаго мудрованія, но единомудрециѣ со всею православною церковію пресвятую Троицу и Господа Іисуса Христа, въ двухъ естествахъ, славятъ». Такимъ образомъ въ книгахъ, на которыя всего чаще ссылались раскольники и нѣкоторые единовѣрцы, слово порицанія уже снято съ двуперстія. Теперь остается оказать такое же снисхожденіе и къ другимъ обрядовымъ разностямъ, существующимъ между единовѣріемъ и православіемъ, и словомъ мирнаго увѣщанія уничтожить тѣ жесткія выраженія, какія находятся объ этихъ разностяхъ въ разныхъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола. Сдѣлать это можно, по нашему мнѣнію, двумя способами: или при новомъ изданіи этихъ книгъ, — что совершенно необходимо для цѣлей миссіонерства, такъ какъ нѣкоторыя изъ прежнихъ изданій составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость ⁽¹⁾, — вынустить тѣ выраженія, которыми смущается совѣсть приверженцевъ, такъ называемыхъ, старыхъ книгъ и обрядовъ, или, если такая передѣлка (въ извѣстномъ смыслѣ) прежде из-

(1) Впрочемъ, новое изданіе книгъ, въ прежнее время изданныхъ въ обличеніе раскола и оказавшихъ болѣе дѣйствія, для снабженія таковыми книгами церквей и училищъ и для продажи за дешевую цѣну въ народъ, было признано необходимымъ церковною властію еще въ 1853 году (Собр. поств. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 527).

данныхъ сочиненій будетъ признана почему либо неудобною, — сдѣлать къ указаннымъ выраженіямъ объясненія—въ томъ же смыслѣ и духѣ, въ какомъ сдѣлано это св. синодомъ въ предисловіяхъ псалтири и часослова въ отношеніи къ двушерстію; при чемъ, для большаго успокоенія совѣсти старообрядцевъ и единовѣрцевъ, не лишнимъ, кажется, будетъ сдѣлать отъ лица св. синода общее заявленіе о томъ, какъ смотритъ православная церковь на тѣ, отличные отъ обрядовъ православія, обычаи и порядки, какіе существуютъ въ единовѣрціи. Что же касается будущаго времени, то не только полезно, но совершенно необходимо строго подтвердить и наблюдать, чтобы 16 пунктъ правилъ о единовѣрціи, въ которомъ сказано: «распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія» въ православныхъ и единовѣрческихъ храмахъ, *отъ всѣхъ сохраняемъ былъ въ точности.*

Наконецъ, послѣднее условіе, необходимое для того, чтобы единовѣрціе стало силою, способною сокрушить расколъ, состоитъ въ хорошемъ устройствѣ единовѣрческихъ причтовъ и особенно—въ выборѣ и опредѣленіи на священническія мѣста въ единовѣрческіе приходы людей честныхъ и искренно преданныхъ церкви, а равно и въ строгомъ надзорѣ за ними. Въ христіанскомъ чтеніи уже была рѣчь о томъ, какія иногда недостойныя личности попадаютъ на мѣста единовѣрческихъ священниковъ и какой вредъ для церкви происходитъ отъ ихъ наемническаго пастырства (Хр. чт. 1864 г. ч. II, стр. 299-302). Выше мы также говорили объ этомъ предметѣ (Хр. чт. 1870

г. февр. стр. 280—3). Теперь къ сказанному прежде считаемъ не лишнимъ прибавить, хотя и съ глубокою скорбію, что, по увѣренію лицъ, знающихъ дѣло, свидѣтельство которыхъ выше всякаго сомнѣнія, есть въ настоящее время въ числѣ единовѣрческихъ священниковъ даже такіе, которые не только укоряютъ своихъ прихожанъ за то, что они подходятъ подъ благословеніе мѣстныхъ архипастырей. когда тѣ, при обзорѣнн епархій, посѣщаютъ единовѣрческіе храмы, но, —страшно сказать,—даже перекрещиваютъ тѣхъ дѣтей своихъ пасомыхъ, которыя по какимъ либо обстоятельствамъ принимаютъ крещеніе отъ православныхъ священниковъ. Такому злу такъ или иначе должно положить предѣлъ. Мы не думаемъ, чтобы источникомъ его служилъ 2 пунктъ правилъ о единовѣрнн, по которому въ единовѣрческіе приходы опредѣляются священники не иначе, какъ «по избранію и желанію прихожанъ», потому что въ мнѣнн митрополита Платона на этотъ пунктъ прибавлено: «и по разсмотрѣнію и разсужденію епископа»; не думаемъ также, чтобы причиною происходящихъ въ единовѣрческихъ приходахъ злоупотребленій былъ 6 пунктъ тѣхъ же правилъ, по которому единовѣрческіе священники зависятъ *только* отъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ и св. синода и въ своихъ дѣйствіяхъ контролируются благочинными изъ среды единовѣрческаго же духовенства, помимо мѣстныхъ консисторій и православныхъ благочинныхъ (Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 451--2; Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 471); но если собственно эти пункты затрудняютъ православныхъ архипастырей—назначать въ единовѣрческіе приходы

людей достойныхъ и препятствуютъ имъ внимательно слѣдить за ихъ образомъ дѣйствій, — долгъ церковной власти, въ виду того зла, къ какому ведетъ иногда «желаніе прихожанъ» единовѣрческихъ приходовъ, ходатайствовать объ отмѣнѣ означенныхъ пунктовъ, не смотря на послѣдовавшее въ 1845 году Высочайшее подтвержденіе, чтобы Высочайше утвержденныя въ 1800 году правила исполнялись «непремѣнно и со всею точностію» (Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 449). Единовѣрцевъ, искренно преданныхъ церкви, такое измѣненіе правилъ не смутитъ нисколько, такъ какъ указанные выше пункты не касаются любимыхъ ими обрядовъ; за то тѣ изъ нихъ, кои единовѣріемъ только прикрываютъ свое сектанство, не въ состояніи будутъ болѣе свои «желанія» ставить выше истины и, при посредствѣ своихъ безконтрольныхъ пастырей, злоупотреблять святиною. Это рѣчь о будущемъ. Что же касается настоящаго, то, скажемъ словами св. синода, которыя еще въ 1853 году употребилъ онъ въ приложеніи къ причтамъ приходоѡ зараженныхъ расколомъ, необходимо сдѣлать строжайшій пересмотръ духовенства въ единовѣрческихъ приходахъ—съ тѣмъ, чтобы несовершенно благонадежныя были замѣнены благонадежнѣйшими, безкорыстными и способными (Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2 стр. 528). По крайней мѣрѣ тѣ изъ наличныхъ единовѣрческихъ священниковъ, кои завѣдомо вредны для церкви и православія, не должны болѣе оставаться на своихъ мѣстахъ.